

Отряд держал путь на юг, летя на мечях в сторону посёлка Ло. Обычные смертные внизу, завидев их в небе, задирали головы и торопливо падали ниц, благоговейно вторя:

— Бессмертные мастера!

Впрочем, летящих это мало заботило. Практики редко обращали внимание на мирскую суету. В поселениях, находившихся под крылом ордена Сюаньтянь, обычно заправляли местные кланы заклинателей, так или иначе связанные узами родства или долга с их собственной великой обителью.

— Семья Му из посёлка Ло пять лет назад отправила к нам своего младшего сына, — заговорил Цзи Гуаньци. — Однако выдающимся талантом он не отличался, и после проверки его определили в ученики внешнего круга. Два года назад во время выполнения задания юноша столкнулся с тёмным заклинателем и погиб.

В прошлой жизни Цзи Гуаньци лично разбирал эти архивы, поэтому сейчас ему стоило лишь слегка освежить память, чтобы в деталях восстановить историю семейства Му.

— Тот отступник оказался безродным бродячим практиком, — продолжил он. — Когда служба наказаний выследила его, он предпочёл взорвать собственное ядро, так что разузнать о нём почти ничего не удалось. Нельзя исключать, что нынешние беды семьи Му — это чья-то запоздалая месть.

В прошлый раз расследование в конечном счёте подтвердило худшие опасения: секта погибшего тёмного практика явилась в посёлок мстить, что и привело к полному истреблению рода Му. Кровожадные безумцы не ограничились одной семьёй — они умыли кровью весь посёлок, вознамерившись заживо переплавить тысячи душ в своём дьявольском ритуале. Посёлок Ло тогда превратился в филиал преисподней на земле. Цзи Гуаньци лично привёл карательный отряд и вырезал ублюдков под корень. На этом кошмар должен был завершиться, но по трагической случайности зловещие свитки с запретными техниками попали в руки Сяо Танцина.

Именно эта находка со временем подтолкнула Сяо Танцина к безумию и искажению духовных каналов.

Цзи Гуаньци невольно оглянулся на троицу соучеников, летевших в самом хвосте отряда, но тут же отвернулся.

— Чего это он вылупился? — недовольно буркнул Цяо Ю. Он как раз увлечённо болтал с Си Яо, когда почувствовал на себе пристальный взор. Подняв глаза, он перехватил взгляд Цзи Гуаньци, который тут же безучастно отвернулся. Цяо Ю скривился: — Видали, как зыркнул? Терпеть его не могу.

— Ты в последнее время совсем перестал с ним считаться, — ровным голосом заметил

летевший рядом Сяо Танцин.

— Чего? — Цяо Ю в крайнем изумлении уставился на него, а затем ядовито усмехнулся: — Это я у тебя должен спросить! С какой радости ты вдруг начал его выгораживать?

Чуя, что назревает ссора, Си Яо поспешил вмешаться:

— Братя, умоляю, не надо. Наставник летит впереди, он всё услышит.

Это замечание мгновенно охладило пыл обоих.

Изначально на дорогу до посёлка Ло они отводили три дня. Бессмертный почтенный Чжэньнань летел во главе отряда с такой скоростью, которую сам считал едва ли не черепашей, однако для молодых адептов этот темп оказался изнурительным. Заметив, что отставшие едва держатся на мечах, Цзи Гуаньци приблизился к учителю.

— Наставник, солнце уже садится. Разумнее будет заночевать в ближайшем городе.

Поскольку просьба исходила от старшего ученика, Бессмертный почтенный Чжэньнань коротко кивнул в знак согласия.

Они спустились на окраине глухого городишка. Благородные заклинатели заглядывали в эти края нечасто, поэтому появление величественного Чжэньнаня и его свиты произвело среди местных настоящий фурор. Цзи Гуаньци без суеты разыскал самый просторный постоялый двор и выкупил все комнаты до единой — свободных мест не осталось вовсе, но и лишних платить не пришлось, комнат хватило точь-в-точь.

— Наставнику — лучшие покои, — распоряжался Цзи Гуаньци, отсчитывая серебро хозяину заведения. — Мы с тремя младшими братьями разместимся по двое, остальные ученики — по трое в комнате. И велите поскорее нагреть воды. Благодарю.

Для содержателя это была невиданная щедрость, мана небесная. Расплывшись в подобострастной улыбке, он торопливо сгрёб монеты и спрятал их за пазуху.

— Не извольте беспокоиться, благородный господин! Всё устрою в лучшем виде, сию минуту!

В дорогу все запаслись необходимым, уложив пожитки в мешочки Цянькунь, так что сборы прошли без лишней суматохи.

Бессмертного почтенного Чжэньнаня проводили в самые роскошные покои на верхнем этаже. С остальными же комнатами возникла заминка. Цяо Ю наотрез отказался уступать, стоило лишь заикнуться о делении мест:

— Ни за какие блага мира я не лягу в одной комнате с Цзи Гуаньци! Он мне днём-то глаза мозолит, так мне ещё и спать с ним бок о бок?!

Цзи Гуаньци предвидел подобный выпад.

— Свободными остались всего две комнаты, — спокойно отозвался он. — Можете заселиться втроём, а я займу вторую один.

— С какой стати?! — Цяо Ю аж задохнулся от возмущения. — Раскатал губу! Размечтался спать в одиночестве! Живи с Сяо Танцином, а я буду с Си Яо.

Сяо Танцин недовольно нахмурился. То, что в последние дни он стал лояльнее относиться к старшему брату, вовсе не означало, что он горит желанием делить с ним постель и кров. Меньше всего ему хотелось засыпать и просыпаться под монотонный бубнёж Цзи Гуаньци.

— Старший брат, — подал голос кроткий Си Яо. — Если ты не против, я могу составить тебе компанию.

— Младший брат, ты просто не представляешь, каков он... — начал было Цяо Ю, но Си Яо мягко прервал его:

— Кому-то всё равно придётся разделить комнату со старшим братом.

Слова прозвучали так, будто Цзи Гуаньци был бездомным щенком, которого из жалости пытались пристроить в добрые руки. Впрочем, если судить по лицам соучеников, так оно и было.

— Не стоит... — только и начал Цзи Гуаньци, как сверху раздался сухой скрип открывающейся двери.

Все четверо синхронно задрали головы. На галерее третьего этажа стоял величественный Бессмертный почтенный Чжэньнань.

— Где мои сменные одежды? — холодно спросил он.

Вообще-то личные вещи каждого хранились в их собственных мешочках Цянькунь. Вопрос наставника заставил всех уставиться на Цзи Гуаньци. Обычно в любых поездках быт Бессмертного почтенного Чжэньнана до мелочей устраивал именно он. Однако сейчас старший ученик лишь изобразил на лице крайнее недоумение:

— Наставник... неужели вы обронили свой мешочек Цянькунь?

Бессмертный почтенный Чжэньнань на мгновение лишился дара речи.

— Я его не взял, — процедил он после тяжёлой паузы.

— Вот как... — Цзи Гуаньци озадаченно прикусил губу. — Какая жалость. В моём мешочке припасено лишь самое необходимое для меня самого. Я полагал, почтенный наставник лично соизволит позаботиться о своём багаже.

Скрытый смысл улавливался без труда: Цзи Гуаньци мало того что не собрал для учителя ни единой чистой нитки, так даже поленился напомнить тому о дорожных сборах. Нет ничего — вот и обходись как знаешь.

Бессмертный почтенный Чжэньнань замер, вперив ледяной взгляд в своего первенца. Цзи Гуаньци всегда отличался исключительной предусмотрительностью, его забота граничила с культом, и подобная оплошность выглядела дико. Наставник почувствовал глухое замешательство, за которым крылось тревожное, едва уловимое ощущение: контроль над послушным марионеточным учеником медленно, но верно ускользал из его рук.

Остальные юноши тоже уставились на старшего брата с немим укором. Цяо Ю, разумеется, среагировал мгновенно и брызнул слюной:

— Цзи Гуаньци, ты совсем разум растерял?! Вещи наставника... у-у-ум-м!..

Договорить ему не удалось — челюсти намертво склеило безмолвное заклятие.

В этой дыре наложить столь безупречные немые путы мог лишь один человек. Цяо Ю с дикой обидой и непониманием уставился на Бессмертного почтенного Чжэньнаня: за что учитель заставил его замолчать?

— Если наставнику угодно, у младшего брата Цяо наверняка найдётся уйма полезных вещей в запасе, — вежливо улыбнулся Цзи Гуаньци, словно искренне пытаясь помочь. — Уверен, он с радостью уступит их вам.

Онемевший Цяо Ю метнул в Цзи Гуаньци полный ненависти взгляд и поспешно опустился на одно колено. Пусть он и не понимал своей вины, указ наставника оспаривать не смел — оставалось лишь безмолвно просить пощады.

— Гм, — У Синбай нахмурился, в его глазах блеснули холодные искры.

Цзи Гуаньци не отвёл взгляда. Несколько секунд они мерились силами в безмолвном противостоянии, после чего старший ученик, выказав безупречную покорность, плавно опустился на колено.

— Прошу наставника сменить гнев на милость. Моя оплошность непростительна.

Тот склонился перед ним, но в его позе не было прежнего рабского трепета, а расшитый мешочек Цянькунь на поясе юноши почему-то невыносимо раздражал взор старейшины. Бессмертный почтенный Чжэньнань долго всматривался в склонённую макушку ученика.

— Гуаньци останется в моих покоях, — наконец обронил он. — Вы трое разделите оставшиеся две комнаты.

Развернувшись, он скрылся за дверью, даже не взглянув, какую бурю вызвали его слова.

— С какого перепугу?! Почему все лучшие куски вечно достаются тебе! — стоило немому заклятию спастись, как Цяо Ю набросился на старшего брата, едва не брызжа слюной от злости. — Ты годами собирал его вещи и следил за каждым его шагом! А теперь разыгрываешь невинность: «Ой, я забыл!» Да ты нарочно всё подстроил, чтобы втереться к нему в комнату!

— Ты сам-то хочешь делить покои с наставником? — спокойно спросил Цзи Гуаньци, пропустив мимо ушей всю остальную брань.

Цяо Ю испуганно отшатнулся и яростно замотал головой:

— Упаси Небеса, нет!

Цзи Гуаньци лишь мысленно вздохнул.

Осознав, что его малодушие выглядит слишком уж очевидным, Цяо Ю поспешил напустить на себя важный вид:

— Воля учителя непреклонна, я бы никогда не посмел перечить его воле! Но помани моё слово, Гуаньци: на рассвете мы выступаем. Все твои жалкие уловки помогли тебе выторговать лишь одну ночь подле него. Слишком мелко плаваешь.

Поняв, что ляпнул нечто двусмысленное, Цяо Ю открыл было рот, чтобы исправиться, но молчавший до этого Сяо Танцин прервал поток его красноречия:

— Раз наставник принял решение, так тому и быть. Старший брат, тебе стоит отдохнуть. Завтра предстоит долгий переход.

В итоге Цяо Ю довольный утащил Си Яо в их комнату, а Сяо Танцин занял отдельную.

Ночью, когда постоялый двор погрузился в глубокий сон, Бессмертный почтенный Чжэньнань

медитировал на циновке, скрестив ноги. Вдруг его ресницы дрогнули, и он негромко произнёс в темноту:

— Почему ты стоишь за дверью? Войди.

— Этот ученик охраняет покой наставника. Учитель может безбоязненно предаться совершенствованию, — донёсся из-за перегородки невозмутимый голос Цзи Гуаньци. Юноша стоял на галерее, прижимая к груди верный меч и глядя на глухую ночную тьму. — Доброй ночи, учитель.

— Войди, я сказал.

Бессмертный почтенный Чжэньнань резко поднялся и распахнул створки двери, представ перед удивлённым юношей.

— Ступай в комнату и ложись спать.

Но Цзи Гуаньци не сделал ни шагу вперёд. Он замер на пороге, словно между ними пролегла невидимая черта, которую он ни за что не переступит.

— Этот ничтожный не смеет нарушать приличия, — с безупречным почтением отозвался он. — Прошу вас, ложитесь. Завтра нам потребуется много сил, чтобы держать ваш темп.

В его поклоне сквозило глубокое благоговение — так почитают небожителей, страхась оскорбить их мимолётным жестом. И всё же в этой безукоризненной вежливости чувствовался холод.

— Гуаньци, — после долгого молчания негромко позвал Бессмертный почтенный Чжэньнань. — Когда мы вернёмся в орден Сюаньтянь, перебирайся во дворец Чжэньнань. Будешь жить там.

Плечи Цзи Гуаньци на миг напряглись. Он медленно выпрямился, крепче прижал к себе ножны и с немой вопросительной улыбкой взглянул на учителя.

— Синий Луань отказывается брать корм из моих рук. Он совсем исхудал, — Бессмертный почтенный Чжэньнань опустил взгляд. — Ты преподнёс его мне в дар, а значит, обязан нести за него ответ до конца.

Бессмертный почтенный Чжэньнань и сам не понимал, к чему завёл этот разговор. Но в памяти невольно всплыл образ из его прошлого: после гибели Цзи Гуаньци верный Синий Луань объявил голодовку. Птица отказывалась от еды и воды, пока в один из дней в безумном порыве не разбилась о скалы Утёса Десяти Тысяч Чжанов. Бессмертный почтенный Чжэньнань стоял тогда совсем близко. Он помнил предсмертный, полный тоски крик луаня, чьё бездыханное тело рухнуло в туманную бездну ущелья, навсегда исчезнув в её глубинах.

— Как прикажет наставник, — покорно склонил голову Цзи Гуаньци.

Бессмертный почтенный Чжэньнань всматривался в его черты. Юноша казался прежним — и всё же неуловимо изменился. Это рождало в душе смутную, липкую тревогу, которой старейшина не находил объяснения.

Кое-что действительно переменилось. Прежний, любящий до беспамятства Цзи Гуаньци скорее дал бы отсечь себе руку, чем посмел бы забыть о дорожных нуждах своего божества.

<http://bllate.org/book/20080/1994994>